

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Гаврилов А.Ю.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОЦЕНКАХ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА» НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ*

Статья посвящена актуальной в научном и общественном плане теме – оценкам ведущими лидерами меньшевизма установления большевистской диктатуры. В исследовании проанализированы редакционные и авторские статьи, опубликованные в «Социалистическом вестнике», главным образом в связи с пятилетием Октябрьской революции. Показано, что основное острие меньшевистской критики было направлено на разоблачение коммунистической социальной утопии и пагубности политической диктатуры для страны и общества.

Ключевые слова: меньшевистская публицистика, Октябрьская революция, коммунистическая утопия, большевистская диктатура.

Произошедшая более 90 лет назад в России Октябрьская социалистическая революция 1917г. стала важнейшим событием, повлиявшим на ход как мировой, так и отечественной истории в XX веке. Именно под ее воздействием претерпевала изменения политическая обстановка в большинстве стран планеты, укрепились социал- демократические и коммунистические партии, а идеи общественной справедливости воплотились в создании и укреплении в развитых капиталистических странах эффективных государственных систем социальной поддержки граждан. Однако при наличии безусловных социальных завоеваний, направленных на улучшение положения малоимущих слоев населения, Октябрьская революция 1917г., как известно, породила в нашей стране в результате установления большевистской диктатуры тоталитарный политический режим. Оценка этого режима в нашей историографии и публицистике остается неоднозначной. С одной стороны, в заслугу ему ставят сохранение единого, мощного государства, проведение индустриализации, превращение СССР в одну из крупнейших промышленных и военных держав к середине XX столетия, сыгравшую главную роль в разгроме германского фашизма. С другой стороны, созданный в результате большевистской революции тоталитарный политический режим стал виновником гибели десятков миллионов как правило, лучших, наиболее образованных, активных и трудолюбивых наших соотечественников, подвергшихся жестоким репрессиям в 1920-х – начале 1950-х гг. Кроме того, большевистский политический режим в конце 1940-х гг. породил в освобожденных Красной Армией странах Восточной и Юго-Восточной Европы и в ряде других государств родственные ему тоталитарные режимы, просуществовавшие около сорока лет. Несмотря на то, что Советское государство не существует уже почти два десятилетия, споры о последствиях революции и установления большевистской диктатуры не утихают до сих пор.

* © Гаврилов А.Ю.

В этой связи представляется интересным анализ оценок советской пролетарской диктатуры, данный в первое пятилетие ее существования в прошлом соратниками большевиков по Российской социал-демократической рабочей партии - меньшевиками, совместно с ними боровшимися против самодержавно-монархического государственного и общественного строя, но не принявшими в стремлении к социализму отказа от демократии и перехода к жесткой диктатуре. Оценки установившегося в Советской России политического режима лидеры и видные теоретики меньшевизма, вынужденные уехать зарубеж, помещали на страницах выходившего в эмиграции «Социалистического вестника».

В канун пятилетия революции в 1922г. редакция «Социалистического вестника» с горечью писала, что «если большевистская диктатура есть наше постыдное настоящее, то коммунистическая революция есть уже наше прошлое, в основном ликвидированное нашей диктатурой». Впрочем, в меньшевистской печати встречались и не столь пессимистические оценки итогов революции. В частности, на страницах «Вестника» обращалось внимание и на «незаконченность российской революции и нерешенность основного ее вопроса – ограждение аграрного переворота от реставрационных поползновений»[8,4].

В свою очередь, попытки разобраться в причинах революции привели меньшевистскую эмиграцию к выводу, что «октябрьский переворот произошел и мог произойти только в результате увлечения большинства активных элементов пролетариата лозунгами большевизма». Спустя пять лет после переворота меньшевики продолжали утверждать, что они отказались от свержения власти большевиков, дабы не вступать в гражданскую войну с «той значительной частью пролетариата, которая эту власть поддерживала». В конце 1922 г. меньшевики в своей массе считали политику отказа от вооруженной борьбы с Советской властью в годы гражданской войны единственно верной. Более того, и с переходом к нэпу Ю.О. Мартов поддержал П.Б. Аксельрода с его отрицательным отношением к восстанию против большевистской диктатуры. Он считал, что при сложившейся политической конъюнктуре «ликвидация большевизма путем вооруженного восстания произойдет при таком соотношении сил, которое обеспечит плоды такого свержения большевизма не за пролетариатом и демократией, а за буржуазной контрреволюцией». То есть Мартов исходил из реального соотношения сил, а не из принципиального неприятия идеи восстания[4, 4-5;7,3].

Однако Мартов критиковал Аксельрода за недооценку действительного влияния большевиков на широкие слои пролетариата и органической его связи со значительными силами рабочего класса. По мнению лидера левых меньшевиков, в Октябре 1917 г. большевики выразили вполне законное возмущение широких масс пролетариата политикой, которая объективно направлялась, в конечном счете, интересами русской революции, а не военными интересами Антанты. Но из признания роли и исторической неизбежности октябрьского переворота и прогрессивности одной его части, отнюдь, по мнению Мартова, не вытекало примирение с большевизмом, который использовал доверие масс в собственных интересах[7, 3-4].

Мартов не сомневался, что большевики смогли удержаться у власти только потому, что подобно якобинцам взяли на себя и разрешили задачу радикального устранения социальных основ старой монархии. Но в то же время они

использовали свое доминирующее положение для осуществления коммунистической революции, которая по своему характеру была «мужицко-мещанской». При этом, по мнению Мартова, большевики хуже выполняли свою историческую миссию, чем якобинцы, ибо «свойственную им ограниченность методов и утопизм уравнилельных» целей бедноты дополнили «двойным утопизмом организации коммунистического хозяйства на основе этой поравненной бедноты». Для крестьянства социальной утопией стал уравнилельный аграрный режим и «возможно меньшее социальное неравенство при сохранении раздробленного самостоятельного хозяйства». Тогда как утопия пролетариата состояла в стремлении низвергнуть частную собственность на средства производства «на такой стадии общественного развития, когда для подобного преобразования нет в наличности ни технических, ни экономических, ни социальных предпосылок». То есть это была утопия немедленного и полного коммунизма. Первоначально, большевизм, вставший во главе революции, благодаря переходу на его сторону крестьян, приспособился к их утопическим чаяниям. Но после между двумя видами утопизма большевики выбрали коммунистический утопизм, что и привело страну к экономической катастрофе. В свою очередь, «утопизм преследуемых социальных задач» и резкое противопоставление интересов рабочих и крестьян стали причиной террористического режима и партийной диктатуры[6, 2-3;7,3-5].

Более благоприятным для пролетариата, нежели «принудительно-организованное» хозяйство, был бы государственный капитализм с широкой социальной политикой[7,6]. Но социальной, по мнению Мартова, может считаться только та революция, которая стремится не только отстранить от политического господства отживший класс, но и лишить его роли в народном хозяйстве, которую он удерживает за собой с помощью захваченной им государственной власти. В этом смысле Февральская революция 1917 г. была социальной, но свержение абсолютизма и дворянского господства с самого начала совершалось под знаком «политического господства пролетариата». Именно этим Мартов объяснял стремление революции раздвинуть ее буржуазно-демократические рамки и «наложить руку» на капиталистическую собственность.

Аргументы оппонентов Мартова справа также имели свою доказательную логику. В частности, С. Иванович подчеркивал, что революция была «не полирующей кровь забавой и не профессиональным влечением, а тяжелым неизбежным кризисом», к которому надо быть готовым во «всеоружии ясных целей, ясной, соответствующей историческому моменту, социально-политической программой и трезвой, учитывающей соотношение общественных сил, тактикой». Автор считал неприемлемым для социал-демократов «делать» революции и готовить вооруженные восстания, ставя в этом отношении большевиков на одну полку с бланкистами. Одновременно он критиковал и линию официального меньшевизма, для которого была характерна надежда на замену революции эволюцией. По мнению Иванова, тот, кто «вещает о невозможности в России революционного свержения советской власти, тот тем самым пророчит России смерть». Для него пути развития России были жестко predeterminedены: «или революция или интервенция: третьего пути нет». При этом автор неоднократно пояснял: «Мы не делаем революции, но мы революционизируем сознание масс» [3,130].

Меньшевистские авторы сохраняли положительные оценки Февральской

революции как продолжения революции 1905 г., ставившей задачи как разрушительные (уничтожение самодержавия и помещичьего землевладения), так и созидательные (утверждение демократической республики). По мнению меньшевиков, основные разрушительные задачи революции были выполнены бесповоротно. Но «расплата оказалась тем больше, что неорганизованная, политически некультурная масса вынесла на своих плечах к власти партию, в которой величайшие социально-политические иллюзии сочетались с величайшей неразборчивостью в средствах – партию большевиков», которая воздвигла здание своей партийной диктатуры. При этом меньшевики подчеркивали двойственный характер большевистского режима. С одной стороны, утопическая диктатура большевиков была революционной, поскольку «укрепляла отмеченные завоевания революции и, так или иначе, руководила борьбой масс, отстаивавших эти завоевания». С другой стороны, она была глубоко реакционной, поскольку «средствами террора и насилия пыталась, во имя утопических целей, преодолеть непреложные законы экономического развития» [10,1-2].

Однако Мартов опасался той «вредной роли», которую способна сыграть диктатура, если ей удастся внушить «темным слоям пролетариата и крестьянства» веру в то, что их интересы могут быть защищены от посягательств имущих классов методом полицейской опеки «сильной власти». Юлий Осипович не сомневался, что в стране с «вековой традицией рабской веры в благодетельную государственную власть» своеобразным возрождением легенды о «мужицком царе», в конечном счете, воспользуются антипролетарские элементы. В перспективе нация, «переросшая буржуазную демократию», получила бы «в награду диктатуру комячеек», но нации, «не доросшей» до буржуазной демократии, «суждено будет преклониться перед бонапартистским тираном» [5,7].

Для подобных заключений были основания, учитывая значение в развитии русской революции личностного фактора, то есть связи устойчивости большевистского режима с «личностью председателя Совнаркома». Так, Ф. Дан полагал, что «острота противоречий, созревших под крышей большевистского режима», достигла уже той степени, когда «лишь инерция исторически омертвевшей традиции, воплощенной в личности «вождя», поддерживает неустойчивое равновесие» советской власти. В свою очередь, «непосредственно уход Ленина» развяжет борьбу клик внутри коммунистической партии. Правда, Дан был уверен, что ни одна из них не сможет сыграть роль «железного обруча», так как не обладает тем «обаянием и доверием», которые дала Ленину вся его предшествующая деятельность. Считая «коммунистическую диктатуру» при нэпе «исторической нелепостью», выход из сложившегося положения он видел или в бонапартистской диктатуре или демократии [1,3].

Материалы эмигрантской печати позволяют говорить, что меньшевики, сплотившиеся вокруг «Социалистического вестника», выступали против большевиков с «открытым забралом», не прячась за позицию беспартийности. То есть социал-демократия, тактическими лозунгами которой стали «Свобода выборов в Советы» и «Долой диктатуру большевиков», бросила открытый вызов коммунистической идеологии и практике [9,2-3].

Еще более жесткую позицию в отношении установившегося в Советской России деспотического режима занимала редколлегия журнала «Заря», оценивавшая большевистский переворот 1917 г. как контрреволюцию. Признавая, что «любой деспотический режим может держаться очень долго», сплотивши-

еся вокруг журнала социал-демократы были уверены, что «большевистская власть не жилец на этом свете». В своих расчетах они исходили из того, что «режим, держащийся на распределении и расточении до него созданных благ, должен с треском провалиться» [11,223-224].

В своих теоретических построениях и практических предложениях правые меньшевики ссылались на авторитет В. Засулич, еще в феврале 1918 г. писала о незавершенности политической революции 1917 г., которую внезапно «настиг контрреволюционный переворот» большевиков. Весомым и актуальным аргументом для правого крыла РСДРП были рассуждения Засулич об опасности расцвета милитаризма во всем мире, «который отодвинет в туманную даль всякую возможность социализма» [2,285-286].

После пяти лет нахождения большевиков у власти в России проблема оценки «социалистической революции» по-прежнему находилась в центре внимания меньшевистской публицистики. Но в отличие от первых оценок большевистского Октября акцент стал делаться не на само вооруженное восстание, а на его последствия политические (отказ от демократии и установление «полицейской диктатуры») и экономические (невозможность налаживания эффективного народного хозяйства).

Подводя итоги анализа меньшевистских оценок последствий установления большевистского режима в России необходимо, на наш взгляд, заключить следующее. Вследствие неоднородности политического спектра меньшевистской эмиграции начала 1920-х гг., порожденной всей предшествующей историей меньшевизма, указанные оценки не могли быть едиными. Наименее верными и точными оказались оценки и прогнозы правых меньшевиков, последователей первого русского марксиста Г.В. Плеханова, группировавшихся вокруг редколлегии журнала «Заря» и В. Засулич. Их выводы об исключительно контрреволюционной сущности раннего большевистского режима начала 1920-х гг. представляются небесспорными, а прогнозы относительно его скорого краха опровергла сама последующая история.

Наиболее точными и объективными представляются оценки большевистской диктатуры и ее последствий, сделанные Ю.О. Мартовым и его сторонниками, сумевшими в результате глубокого анализа ситуации увидеть и охарактеризовать определенный утопизм режима, его противоречие объективным экономическим законам развития общества. В то же время Ю.О. Мартов трезво оценивал реальные причины массовой поддержки большевистской диктатуры среди рабочих и части крестьян и обосновывал сознательный отказ меньшевиков от участия в вооруженной борьбе против Советской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Дан Ф.] Ф.Д. Болезнь режима // Социалистический вестник. 1922. № 13/14.
2. Засулич В. Социализм Смольного // Заря. 1922. Берлин. № 9/10.
3. Иванович Ст. Надо выбирать // Заря. Орган социал-демократической мысли. 1922. Берлин. № 5.
4. Кучин (Оранский) Г. О нашей партии // Социалистический вестник. 1922. № 18.
5. Мартов Л. Диалектика диктатуры // Социалистический вестник. 1922. № 3
6. Мартов Л. На пути к ликвидации // Социалистический вестник. 1921. № 18.
7. Мартов Л. По поводу письма тов. П.Б. Аксельрода // Социалистический вестник. 1921. № 8.
8. Некоторые итоги // Социалистический вестник. 1922. № 17

9. Продолжайте // Социалистический вестник. 1921. № 8

10. Пятая годовщина революции // Социалистический вестник. 1922. № 5

11. Юбилей русской контрреволюции // Заря. 1922. Берлин. № 8.

A.U. GAVRILOV

BOLSHEVIK REVOLUTION IN APPRECIATION OF «SOCIALIST BULLETIN» IN THE EARLY TWENTIETH OF THE 20 CENTURY.

The article is about urgent in the scientific and social plane subject – the appreciation of the main leaders of the «menshevism» the establishment of the Bolshevik dictatorship.

In this work the editorial 's and author's articles published in the «Socialist bulletin» because of 5th anniversary of the October revolution have been analysed.

It's explained that the main aim of the «menshevist» critics was the exposure of the Communist social Utopia and harmful political dictatorship for the country and society.

Key words: Menshevik's publicism, October revolution, communistic utopia, Bolshevik dictatorship.